

**Протоиерей Григорий
СМИРНОВ-ПЛАТОНОВ**

РУССКИЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ

Опубликовано: Православное обозрение,
1860, I, с. 79-91.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ БИБЛИИ.

Наступаетъ время, когда духовное, религіозно нравственное образованіе русскаго народа, согласное съ началами православія, должно получить бѣольшую глубину и полноту, бѣольшую силу и сознательность и сдѣлаться дѣйствительною основою общей народной жизни. Случайныя уклоненія въ направленіи религіознаго духа, которыя появлялись по причинамъ внутреннимъ, или вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, чуждыхъ православію, такія уклоненія съ теченіемъ времени должны слабѣть и уступать силѣ общаго правильнаго духовнаго образованія, управляемаго тѣми животворными началами христіанства, которыя въ чистотѣ сохранены православіемъ. Такъ какъ съ исторической и догматико-сравнительной точки зрѣнія православію неотъемлемо принадлежитъ заслуга вѣрнаго храненія вселенской истины христіанства, нарушенной односторонностію инославныхъ вѣроисповѣданій, то нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, чтобы христіанская истина, для которой

православіе въ теченіи вѣковъ служило охраною, не проявилась въ будущемъ всѣми положительными чертами, какими способна проявляться истина въ ея отношеніи къ дѣйствительной жизни. Но говоря о предстоящемъ русскому народу преуспѣяніи на поприщѣ духовнаго образованія, мы разумѣемъ общенародную духовную жизнь. Всѣ равно, и образованные и простые, имѣютъ нужду въ бѣльшей твердости, въ бѣльшей отчетливости религіозныхъ понятій и убѣжденій, въ болѣе живомъ усвоеніи духовныхъ началъ, необходимыхъ для жизни. Не для простаго только народа въ его будущемъ новомъ положеніи предстоитъ потребность религіозно-нравственнаго воспитанія. Та же потребность, съ неменьшею силою, представляется насущною потребностію и для такъ называемаго образованнаго общества, сознающаго у себя недостатокъ положительнаго религіознаго образованія, а между тѣмъ по самому своему положенію имѣющаго вліяніе на жизнь народную. Такимъ образомъ общее и важнѣйшее дѣло для русскаго народа, долженствующее имѣть прямое дѣйствіе на всю народную жизнь въ ея современномъ положеніи и будущихъ судьбахъ, есть дѣло духовнаго, религіозно-нравственнаго образованія.

Безъ сомнѣнія, чтеніе священныхъ книгъ съ болѣе легкимъ и близкимъ къ истинѣ разумѣніемъ, будетъ лучшею живою школою духовнаго образованія, равно доступною для всѣхъ. Въ этомъ убѣжденіи «Православное Обозрѣніе» считаетъ долгомъ своимъ сообщить читателямъ извѣстіе о переводѣ священныхъ книгъ на русскій языкъ, предпринятомъ по распоряженію Святѣйшаго Синода. Это великое дѣло мало извѣстно въ обществѣ. Содѣйствовать распространенію его извѣстности и объяснить по возможности значеніе предпринятаго труда — вотъ цѣль нашего извѣстія.

Въ 1856 году, въ благословенные дни священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (когда въ Москву вѣсть съ членами Св. Синода имѣли случай собраться и другіе іерархи русской церкви) священный соборъ входилъ въ разсужденіе о доставленіи православному народу способа читать Священное Писаніе, для домашняго назиданія, съ удобнѣйшимъ по возможности разумнѣемъ, и потомъ, съ Высочайшаго соизволенія, приняты для сего дѣятельныя мѣры. Нельзя не замѣтить, что мысль о религіозно-правственномъ образованіи народа, выраженная и въ достопамятномъ манифестѣ 19 февраля 1856 года, предшествуетъ всѣмъ другимъ мѣрамъ, принятымъ съ того времени для успѣховъ общенародной жизни.

По распоряженію Святѣйшаго Синода, всѣ отечественныя духовныя академіи С.-Петербургская, Московская, Кіевская и Казанская, и служащіе въ нихъ, въ качествѣ представителей духовной науки въ Россіи, призваны къ многозначительному дѣлу переложенія священныхъ книгъ на русскій языкъ.

Чтобы объяснить значеніе и характеръ предпринятаго перевода, нужно обратить вниманіе на то, что дѣло должно идти не объ одной замѣнѣ словъ, выраженной и формъ древняго церковно-славянскаго языка другими словами, выраженіями и формами русскаго языка въ современномъ его состояніи, но и объ установленіи такого текста или чтенія священо-библейскихъ книгъ, которое бы облегчало православному народу разумнѣе Слова Божія.

Вопросъ о текстѣ священныхъ книгъ касается не столько Новаго Завѣта, написаннаго на греческомъ языкѣ, сколько и главнымъ образомъ книгъ ветхозавѣтныхъ, которыя сохра-

нились на еврейскомъ языкѣ и на греческомъ — въ древнемъ переводѣ 70 толковниковъ.

Извѣстно, что тексты еврейскій и греческій 70 толковниковъ, съ котораго переложена славянская Библия, имѣютъ нѣкоторыя разности между собою. Съ какого же текста долженъ быть сдѣланъ переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ? И здѣсь-то важны тѣ руководительныя начала и правила, которыя соблюдаетъ наша церковь въ разсужденіи Священнаго Писанія, отрицая и крайность римско-католичества, запрещающаго мірянамъ читать Библию, и крайность протестанства, оставляющаго христіанина безъ твердой церковной опоры въ разумѣніи Слова Божія. Образецъ такихъ руководительныхъ началъ можно видѣть въ замѣчательной статьѣ члена Святѣйшаго Синода, московскаго Архипастыря: «О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго седмидесяти толковниковъ и славянскаго переводовъ Священнаго Писанія», изъ которой заимствовано нами выше приведенное извѣстіе (*).

Есть много важныхъ основаній, по которымъ текстъ еврейскій, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ можно имѣть его въ изданіяхъ новѣйшаго времени, стоитъ положительно ниже греческаго текста. Въ дошедшемъ до насъ еврейскомъ текстѣ есть утраты нѣкоторыхъ стиховъ и словъ еврейскаго подлинника, поврежденія, интерполяціи, не только невольныя, свойственныя манускриптамъ, но и намѣренныя со стороны древнихъ враговъ христіанства. Священные писатели Нового Завѣта во многихъ случаяхъ держатся ближе греческаго текста, нежели еврейскаго. Немалую важность имѣетъ и то

(*) Эта статья была напечатана въ Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ въ рус. пер. за 1858 г., кн. III.

обстоятельство, что въ церковномъ употребленіи съ первыхъ вѣковъ христіанства, и преимущественно въ православной восточной церкви, всегда оставался греческій текстъ.

Съ другой же стороны и уваженіе къ греческому тексту никакъ не можетъ быть исключительнымъ. Потребность ясности во многихъ случаяхъ можетъ быть удовлетворена необходимымъ сличеніемъ текста греческаго съ еврейскимъ. Еще въ древнія времена церкви предпринимавы были труды исправленія греческаго текста по еврейскому: таковы были въ III вѣкѣ труды св. мученика Лукіана, который для послѣдующихъ временъ «оставилъ не только примѣръ, но и потребность возобновлять работу, имъ произведенную и послѣ него утраченную.» Во всѣ времена текстъ еврейскій остается въ употребленіи между отцами и учителями церкви, и «все-ленская церковь (см. ту же статью) ни на какомъ соборѣ, ни чрезъ кого изъ св. отцевъ не изрекла такого правила, чтобы въ изъясненіи Священнаго Писанія держаться исключительно текста семидесяти толковниковъ, съ устраненіемъ текста еврейскаго.»

Общій выводъ касательно значенія оригинальныхъ текстовъ еврейскаго и греческаго состоитъ въ томъ, что и тотъ и другой имѣетъ свое относительное достоинство, но что ни тотъ, ни другой не удерживаетъ за собою исключительнаго права на уваженіе богослова православной церкви. Этотъ выводъ будетъ для насъ ясныѣ, если примемъ во вниманіе, что текстъ вообще есть *буква писанія*—та буква, которая въ теченіи тысячелѣтій при всѣхъ переворотахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, не могла сохраниться въ ея неизмѣнномъ однообразіи. Образовавшіяся разныя чтенія (варианты) въ разныхъ манускриптахъ одного и того же текста при обилии древнихъ переводовъ, между которыми извѣстны

халдейскій, арабскій, сирскій (пешито), самаританскій, латинскій (вѹльгата), еще болѣе усиливають различіе въ переводахъ священныхъ книгъ на новыя народныя языки.

Есть повидимому средство находить подлинный видъ манускриптовъ: это ученая критика. Но нельзя не признать, что иностранная библейская критика привязана къ буквамъ священныхъ книгъ и, повидимому ничѣмъ не предзанятая, она однакожь болшею частію не изъ самыхъ книгъ выноситъ возстановленіе текста и внутренняго ихъ смысла, а безсознательно или сознательно подчинена началамъ изслѣдованія, отъ нихъ привносимымъ. Средніе выводы сравнительнаго критическаго изученія священныхъ манускриптовъ, привязаннаго къ буквамъ, конечно имѣютъ свой интересъ, но еще не могутъ быть признаны за достаточное выраженіе библейской истины, тѣмъ болѣе, что открытіе древнихъ списковъ, доселѣ не прекратившееся, предполагаетъ непрерывную работу критики въ будущемъ: такъ недавнее открытіе Тишендорфа не замедлитъ измѣнить нѣкоторыя построенія, прежде сдѣланныя критиками (*).

Безъ сомнѣнія, будетъ оказано надлежащее вниманіе къ трудамъ иностранныхъ критиковъ, достаточно извѣстнымъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ — въ какомъ отношеніи къ существующимъ текстамъ священныхъ книгъ должно находиться переложеніе ихъ на русскій языкъ? — этотъ вопросъ можетъ получить прямой отвѣтъ только тогда, когда мы оцѣнимъ все преимущество внутренняго положенія нашей церкви, вѣрной духу вселенской

(*) О древнѣйшемъ спискѣ Библии, найденномъ Тишендорфомъ, были краткія извѣстія въ нашихъ газетахъ. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ мы постараемся представить нашимъ читателямъ статью по поводу этого открытія. *Ред.*

истины христіанства, не связавшей себя односторонностію крайнихъ направленій. *Духъ животворитъ*—вотъ животворное начало, дышущее въ Церкви Вселенской отъ ея начала и донынѣ, выражающееся во всѣхъ важнѣйшихъ внутреннихъ явленіяхъ церковной жизни. Мы разумѣемъ духъ все-ленской истины, явленной христіанствомъ, хранящейся не во внѣшнемъ только преданіи церковномъ, но въ живомъ преемствѣ зиждительнаго начала, непрерывно живущаго въ цѣломъ обществѣ церковномъ, такъ что лучшія творенія отцевъ церкви только выражаютъ этотъ духъ въ словесныхъ произведеніяхъ. Творенія св. отцевъ православная церковь вообще рассматриваетъ и цѣнитъ не по буквѣ, а по выраженію преемственнаго, вселенскаго духа истины христіанской, по мѣрѣ глубины и полноты, съ какою выражается въ нихъ уже вступившая въ сознаніе и жизнь христіанская истина. Уважительное и въ то же время самобытно - живое отношеніе къ твореніямъ отцевъ церкви характеризуетъ православнаго богослова. Итакъ преемство вселенской истины христіанства, непрерывно живущей въ церкви—вотъ начало духа, невѣдомое иностранной библейской критикѣ, но составляющее необходимое условіе къ вѣрному употребленію существующихъ текстовъ Священнаго Писанія.

Сказанное нами довольно открываетъ многосложныя трудности и великую важность дѣла, предпринятаго у насъ по переложенію Библии на русскій языкъ. Всякое частное предпріятіе, основанное только на выводахъ иностранной библейской критики, лишено самыхъ существенныхъ условій къ тому, чтобы приблизиться къ библейской истинѣ. Оно могло бы произвести такой переводъ, который остался бы тѣмъ же заграничнымъ явленіемъ, или сводомъ разнородныхъ результатовъ ученой критики: будетъ ли такой переводъ

изложенъ на какомъ-либо иностранномъ повомъ языкѣ, или даже на русскомъ,—языкъ самъ по себѣ не измѣнить существа дѣла.

Переводъ, исключительно основанный на изысканіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, сталъ бы въ невыгодное положеніе въ разсужденіи вѣрности смысла: онъ можетъ выигрывать только въ ясности. Но ясность не одно и то же съ вѣрностію: « можетъ случиться, что неясный текстъ есть вѣрный, а ясный есть только догадочный, или совсѣмъ погрѣшительный ». Требованіе ясности обращаетъ насъ отъ оригинальныхъ текстовъ къ значенію собственно *перевода* священныхъ книгъ на русскій языкъ.

Всякій, требуя ясности, судить объ языкѣ по своему отношенію къ языку и забываетъ тѣ разнообразныя отношенія къ одному и тому же языку, какія свойственны разнымъ массамъ народа, забываетъ то условное состояніе языка, которое опредѣляется даннымъ положеніемъ времени: не говоримъ уже о тѣхъ уклоненіяхъ языка, въ какія онъ можетъ впадать вслѣдствіе случайныхъ и чуждыхъ вліяній, хотя бы и способствовавшихъ въ извѣстныхъ случаяхъ его ясности. Нѣтъ сомнѣнія, что правильность и народность языка должна исходить изъ древнихъ коренныхъ его стихій: въ древнихъ стихіяхъ долженъ почерпать современный языкъ свою силу, свою вѣрность и чистоту. Мы увѣрены, что наша мысль будетъ согласна съ строгими требованіями языковѣдѣнія. Достоинство языка въ лучшихъ произведеніяхъ русской литературы, стихотворныхъ и прозаическихъ, основано на органической связи ихъ съ историческими преданіями языка. Тѣмъ болѣе надобно требовать строгой вѣрности языка его древнимъ стихіямъ въ такомъ трудѣ, каковъ трудъ переложенія священныхъ книгъ на современный

русскій языкъ. Понятныя, освященныя древнимъ употребленіемъ языка слова, каковы напримъ: *Господь, скинія, завѣтъ, псалтирь, пророкъ, апостолъ, вечеря*, и т. п. должны быть хранимы, какъ священное наслѣдіе, близкое народу и по языку и по вѣрѣ. Переводъ, отступающій отъ древнихъ стихій языка, сколько бы ни былъ ясенъ и даже изященъ, можетъ быть не принятъ народомъ, большинство котораго хранить языкъ, какъ народную святыню и найдеть подобный переводъ чуждымъ себѣ.

Сказанное нами въ извѣстной мѣрѣ относится ко всякому живому языку. Но мы должны обратить вниманіе на особенныя условія русскаго языка. Потребность переложенія священныхъ книгъ именно на русскій языкъ обращаетъ нашу мысль къ древнему состоянію отечественнаго языка и значенію славянскихъ переводовъ священныхъ книгъ въ древней Россіи. Нужды особаго перевода Священнаго Писанія на языкъ, находившійся въ народномъ употребленіи, въ древней Россіи не существовало: славянскій переводъ священныхъ книгъ, извѣстный въ церковномъ употребленіи, по своему языку былъ общепонятнымъ. Доколѣ меньшая часть русскаго народа, по ходу новой исторіи, не отдѣлилась отъ общей связи съ народомъ и не обратилась на новые пути образованія, не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній относительно языка. Однородность основъ воспитанія и жизни, понятій и языка облегчала для церкви трудъ слѣдить за общевразумительностію славянскаго текста, не стѣсняясь нарочитою заботою объ языкъ. Изслѣдованія настоящаго времени, посвященные разбору древнихъ славянскихъ библейскихъ списковъ, именно показываютъ непрерывную заботу отечественной церкви о приведеніи *текста* священныхъ книгъ въ такой видъ, который бы наиболѣе удовлетворялъ общенароднымъ

потребностямъ (*). Отъ первоначальнаго перевода священ-
ныхъ книгъ на славянскій языкъ, съ XI вѣка по всѣмъ
вѣкамъ идетъ рядъ славянскихъ библейскихъ переводовъ
какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, въ которыхъ испра-
вленіе текста, съ цѣлію сдѣлать его общевразумительнымъ
и наиболѣе вѣрнымъ, не прекращается до позднѣйшаго вре-
мени. Изъ той же потребности удобнѣйшаго и вѣрнѣйшаго
уразумѣнія священныхъ книгъ происходило и обширное
употребленіе въ древней Россіи такъ-называемыхъ *тол-*
ковыхъ библейскихъ списковъ, т. е. такихъ, въ которыхъ
наряду съ библейскимъ текстомъ излагаются объясненія
отцевъ церкви. Что касается въ частности исправленія сла-
вянскаго текста, то не лзя не упомянуть о трудѣ св. Алек-
сія митрополита московскаго, который старался возстановить
болѣе правильное чтеніе по древнимъ греческимъ кодекс-
самъ. Ученый Гризбахъ упоминаетъ объ этомъ исправленіи
въ своемъ обширномъ предисловіи къ изданію Новаго За-
вѣта на греческомъ языкѣ, какъ о тщательнѣйшемъ пере-
водѣ славянскаго текста (**). Памятникомъ этого труда ос-
тался Новый Завѣтъ, писанный собственною рукою святи-
теля и хранящійся въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ.
При первомъ печатномъ изданіи полнаго славянска-
го перевода Библии княземъ К. Острожскимъ, списокъ,
посланный царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, былъ под-
вергнутъ издателями новому пересмотру, и болѣе или

(*) Таковы общіе выводы, до которыхъ дошли въ своихъ изслѣдова-
ніяхъ по части славянскихъ библейскихъ рукописей гг. профессора А.
В. Горскій и К. И. Невоструевъ. (Описаніе слав. рукописей Моск.
Синодальной Б—ки. М. 1855, отд. 1. см. введеніе стр. V, VI, IX, XII.

(**) N. T. Graece, D. Griesbach, vol. I. proleg. pag. CXXXI.

менѣе исправленъ самый текстъ перевода. При императорѣ Петрѣ I-мъ (1712 г.) вновь предпринятъ пересмотръ славянскаго текста Библии подъ руководствомъ Теофилакта Лопатинскаго и Софронія Лихуда. Исправители того времени, не ограничиваясь греческимъ текстомъ, имѣли въ виду и еврейскій, разные древніе переводы, латинскій переводъ (вульгата), пользовались по мѣстамъ и тѣми пособіями, какія находили въ твореніяхъ древнихъ отцевъ и писателей церковныхъ (*). Это исправленіе продолжалось до 1724 г. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны пересмотръ текста возобновленъ подъ надзоромъ Варлаама Лашевскаго и Іакова Блонецкаго: правленный ими текстъ, свѣренный со многими древними кодексами и даже съ переводами нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, хранится въ библіотекѣ моск. синодальной типографіи (**). Этотъ текстъ, исправленіе котораго началось съ 1743 г., окончательно исправленъ и напечатанъ въ 1751 году. Такимъ образомъ дѣло переложенія священныхъ книгъ, наиболее вѣрнаго библейской истинѣ съ одной стороны и требованію общевразумительности съ другой, продолжаетъ быть непрерывнымъ дѣломъ церкви, удобнымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе однородности въ разсужденіи языка представлялъ народъ. Славянскій переводъ, приводимый трудами исправителей въ

(*) См. въ Опис. слав. рук. Сян. Б—ки, отд. 1. стр. 163—176.

(**) Текстъ и дѣла по исправленію хранятся въ 23 картонахъ № № 4207—4319, по старому каталогу. Для мѣсть, предполагавшихъ нужду исправленія, въ особыхъ графахъ писаны тексты кодексовъ «Римскаго, Александрійскаго, Алдійскаго, Комплутенскаго, Оксоніанскаго и Коттоніанскаго»; въ нѣкоторыхъ случаяхъ исправители имѣли въ виду польскіе переводы и чешскую Библию. Труды Елисаветинскихъ исправителей ожидаютъ еще обстоятельнаго описанія.

лучшій видъ, оставался въ одно и тоже время и въ церковномъ и въ домашнемъ употребленіи.

Когда возникъ вопросъ о невразумительности собственно языка славянскаго перевода? Безъ сомнѣнія послѣ того времени, когда общность духовной жизни русскаго народа болѣе или менѣе нарушилась устремленіемъ меньшинства на новый путь западно-европейскаго образованія и когда, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ русской жизни, церковно-славянскій языкъ время отъ времени становился для многихъ маловразумительнымъ. Для отечественной церкви открылось новое дѣло: оставляя въ церковномъ употребленіи славянскій переводъ священныхъ книгъ, какъ связь преданія съ нашимъ прошедшимъ и какъ современную связь съ единовѣрными намъ славянскими братьями, она призывалась на дѣло передоженія Библии на русскій языкъ для домашняго употребленія. Дѣло это съ теченіемъ времени болѣе и болѣе озабочивало просвѣщенныхъ ревнителей Слова Божія. Въ 1813 году было учреждено особое Общество для сообщенія и распространенія на общеупотребительномъ языкѣ священныхъ книгъ, извѣстное подъ именемъ Россійскаго Библейскаго Общества. Въ 1819 году въ первый разъ было издано порусски четвероевангеліе, въ 1820 г. Евангеліе и Дѣянія апостольскія, въ 1823 году весь Новый Завѣтъ. Изъ книгъ Ветхаго Завѣта въ 1822 г. напечатана псалтирь; въ томъ же году предпринятъ былъ переводъ пятокнижія Моисеева и слѣдующихъ книгъ по порядку. Въ 1824 г. начато было печатаніе перевода ветхозавѣтныхъ книгъ и доведено до книгъ Царствъ. Дѣло было остановлено для обнародованія, но продолжало созрѣвать внутри высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ введенное въ учебный курсъ чтеніе и толкованіе Св. Писанія непрерывно приготавливало

дѣателей, которымъ нынѣ открывается поприще. И вотъ дѣятельность, совершавшаяся внутри, призывается къ обнаруженію и приложенію на общую пользу.

Изложенныя нами замѣчанія даютъ возможность составить правильное понятіе о характерѣ труда, порученнаго Святѣйшимъ Синодомъ духовнымъ академіямъ.

Такъ какъ цѣль перевода состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворить потребность общевразумительности, то внутреннее значеніе библейскаго текста въ новомъ переложеніи естественно предполагаетъ тѣсную связь разумѣнія съ духомъ древней вселенской церкви, а достоинство самаго перевода должно опредѣляться степенью вѣрности его древнимъ стихіямъ отечественнаго языка. Сохранить священную связь живыхъ преданій вѣры — вотъ первое условіе правильности перевода въ разсужденіи смысла священныхъ книгъ. Этому условію необходимо сопутствуетъ другое — вѣрность живымъ преданіямъ языка, отъ которой зависитъ достоинство перевода. Нѣтъ сомнѣнія, что переложеніе священныхъ книгъ на общевразумительный русскій языкъ есть трудъ великій, какъ по многосложности потребнаго для него изученія и приготовленія, такъ и по обширности его вліянія на духовную жизнь народа.

Назначеніемъ предпринятаго перевода для домашняго употребленія облегчается предпріятіе въ томъ отношеніи, что отдѣльные переводы священныхъ книгъ, именно книгъ Ветхаго Завѣта, могутъ появляться предварительно въ видѣ опытовъ, и обращая на себя вниманіе отечественныхъ богослововъ, обогащаются многоразличными замѣчаніями, которыя могутъ быть съ пользою приняты въ соображеніе при послѣдующемъ общемъ изданіи священныхъ книгъ въ русскомъ переводѣ. Подобные опыты начинаютъ появляться: такъ

недавно вышла на русскомъ языкѣ книга Премудрости Иисуса сына Сирахова (*). Рядъ подобныхъ опытовъ сблизить труды нашихъ богослововъ и несомнѣнно вызоветъ печатныя и письменныя замѣчанія, важныя для общей редакціи перевода.

Что касается изданія священныхъ книгъ въ новомъ переводѣ, то изданіе въ общей цѣлости книгъ новозавѣтныхъ безъ сомнѣнія должно предшествовать общему изданію Ветхаго Завѣта. Безусловная важность и особенная близость Евангелія и писаній Апостольскихъ къ общимъ, самымъ существеннымъ потребностямъ христіанской жизни, безъ объясненій понятна каждому. Переводы новозавѣтныхъ книгъ особенно занимаютъ въ настоящее время дѣятельность нашихъ духовныхъ академій и самаго Святѣйшаго Синода, и есть надежда, что сыны православной церкви скоро будутъ имѣть Новой Завѣтъ для домашняго чтенія на близкомъ къ современной рѣчи языкѣ. Надобно желать, чтобы онъ былъ доступенъ для большинства народа и по цѣнѣ своей и по удобствамъ пріобрѣтать его не *изъ дальнихъ мѣстъ*.

Священникъ Г. Смирновъ-Платоновъ.

(*) Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, въ русскомъ переводѣ съ краткимъ объясненіемъ, Спб. 1859.—Ограничиваясь въ настоящемъ случаѣ извѣщеніемъ о выходѣ этой книги, мы намѣрены рассмотреть ее въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «православнаго обозрѣнія».